

A man with a beard and short hair, wearing a dark suit jacket and a patterned scarf, looking down thoughtfully. The background is a dark, textured studio backdrop.

Девочка
для
Генерала

МАРИНА КИСТЯЕВА

Марина Анатольевна Кистяева

Девочка для генерала

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55833684

Аннотация

Я сбила человека, и теперь мне грозит срок за непреднамеренное убийство.

Но что-то пошло не так... В следственном изоляторе меня едва не изнасиловали. Спасло чудо. Или то, что я до сих пор была невинной? И почему всплыло имя некого Генерала?

Меня доставили к нему. Ни адвоката, ни судьи... Только он и его прожигающий взгляд.

Это история принуждения и любви. Жестокости и прощения. Падения и взлета.

Это моя история.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина Кистяева

Девочка для генерала

Пролог

Дед Семен не верил в привидения.

И в байки, что на трассе между Шемушейкой и Андри-совкой водится привидение невесты – тем более. Чушь всё это. Брехня. Бабам нечего делать, вот и придумывают небылицы. Нет чтобы делами заняться...

Но невольно вздрогнул, когда в прожекторах фар высветилось белое платье.

Дед моргнул.

Что за бред? Привидится...

Нет, не привиделось. На обочине, рядом с которой он про-езжал, лежала девушка в белом платье.

Неужто невеста?

Дед Семен с грохочущим сердцем проехал мимо.

Прочь! Прочь!

Проехал метров двадцать, не выдержал и остановился.

Не по-людски оставлять человека в беде.

И не привидение это вовсе. А девушка.

Попавшая в беду.

Он сдал назад.

Ехал и себя ругал. Вот надо... Надо!

И смалодушничал как бы и помощь человеку оказать надо.

Дед Семен остановил старую «семерку» и вышел.

Подходил к девушке-призраку осторожно. Восьмой десяток разменял, не до лихачеств.

Нагнулся:

– Эй, ты живая?

Признаков жизни девушка не подавала.

Дед осторожно дотронулся до плеча, перевернул девушку и в сердцах выругался.

– Да кто же тебя так, милая?

Девушка была избита, и сильно. Лицо опухшее, из-за побоев не видно черт, но отчего-то дед Семен не сомневался – красивая.

Платье у неё не подвенечное вроде бы. С другой стороны, поди, разбери нынешнюю молодежь, кто в чем выходит замуж.

Тут же белое, ниже колен и как бы на первый взгляд простое.

В крови.

– Охо-хо... Давай-ка вот так...

Дед, кряхтя и поминая недобрым словом свои болячки, кое-как приподнял девушку. Она застонала.

– Жива, милая... жива... Ничего, сейчас мы тебя домой... А там уж разберутся...

Пришлось потрудиться, чтобы доволочь девушку до машины. Несколько раз деду Семену казалось, что он ненароком и сам её об асфальт ударял, но тут уж, как говорится, не до сантиментов. С дороги её убрать надо.

Мало ли...

Пока дед Семен ехал к себе в дом на краю деревни, всё смотрел в заднее окно.

Лежала кулем. Как положил, не шелохнется.

Лишь иногда стонала.

Плохо дело.

Как бы ни померла у него в машине.

Потом поди, разберись, кто прав, кто виноват.

Хорошо, что до дома оставалось немного.

Следующая задача – занести её.

Эх, был бы он годков на двадцать хотя бы помоложе... А если и на все тридцать... Потаскал он в своё время девок на руках. И на сеновал, и на палати. Было дело, было.

– В какую же ты дрянь встряла, деточка?

Даже сквозь синяки было понятно – красивая. Уложенная. Волосы вон как блестят.

Может, в машине её оставить?

Нет, не дело.

Будет затаскивать.

Дед Семен справился с поставленной задачей.

А рано утром, только-только забрезжил рассвет над рекой, у его дома остановились два черных джипа с наглухо тони-

рованными стеклами.

Глава 1

Катя старалась не плакать.

Нельзя.

Хватит.

Сегодня она пойдет на допрос к Потапову, а он её...

Она даже слов не могла подобрать. Знала, что если скажет что-то не то, проявит лишнюю эмоцию, её сразу же едва ли не пинком, заламывая руки, отправят в камеру.

В лучшем случае.

В худшем...

Его сальные глаза слишком часто останавливались на её груди. Да и намеки уже не были намеками.

Поэтому крепилась, как могла.

Ждала адвоката. А тот что? Развел руками.

– Ваша вина, Екатерина, полностью доказана.

– Да там и доказывать ничего не надо... Я во всем призналась.

– Непреднамеренное убийство.

– Дождь был... И он вылетел...

– Екатерина Викторовна, я всё понимаю, – устало говорил её адвокат, а ей хотелось кричать.

Выть.

Биться о стену.

А что толку...

Ей грозил срок за непреднамеренное убийство.

Всё.

Ей хотелось бы понять адвоката, что заходил к ней с безразличным выражением на лице и уставшими глазами. Он защитник от государства, работает за копейки. И таких как она у него несколько десятков. Лица пустые, незапоминающиеся, с одними и теми же историями и словами: «Невиновен... невиновна...» Для него – это работа. Для тех, кто сидит напротив стола – жизнь. Потерянные годы.

Катя держалась, как могла.

Она-то как раз понимала и полностью осознавала свою вину, только легче от этого не было.

Хуже, намного хуже...

Она убила человека. Раз.

Сядет – два.

Ей ещё повезло, в камере она сидела одна. Маленький плюс в бесконечной череде минусов.

Лязгнул замок, заставивший Катю вздрогнуть и сжаться от испуга. От надвигающейся беды.

– Тарасова, на выход, – проскрежетал равнодушный голос конвоира.

Странное предчувствие не покидало Катю с утра – сегодня что-то будет. Случится. Плохое.

Тот же Потапов. Когда она уходила от него два дня назад, он так мерзло улыбался.

– Что у тебя там с медицинскими анализами, Тарасова? –

его вопрос настиг её, когда она стояла у двери.

Катя замерла, саму холодный пот прошиб.

Обернулась и тихо спросила в ответ:

– А причём тут мои меданализы, Егор Васильевич?

Сальные глаза снова остановились на её груди.

– Да так.

Она не могла видеть его руки, находящейся под столом. Но отчего-то ей показалось, что он поправил ширинку. Она могла, конечно, ошибаться, но его взгляд скользкий, мерзкий прилип к её коже.

Между ними тогда повисла пауза. Тяжелая, неприятная.

Катю отвели в камеру, и она, не спавшая уже несколько суток, вообще не сомкнула глаз. Ей всё казалось, что сейчас явится Потапов и начнет её насиловать. Катя говорила себе, что они живут в правовом государстве, что не могут люди в погонах беспределить. То время прошло... Сейчас можно написать жалобу в прокуратуру и...

Кого она обманывала?

Катя накрутила себя до предела.

Поскорее бы суд и колония.

Она стояла на негнущихся ногах. Вчера её отводили мыться. Холодной водой.

А ещё её осматривали. Врач. Хорошо, что женщина. Осматривали тщательно.

– Девственница что ли? – пробубнила она, недовольно сводя брови.

– Да, – глухо бросила Катя, краснея от стыда и морщась от боли. С ней не церемонились.

– Твою же мать... Детка, ты охренела?

Катя опешила, услышав подобное заявление от медицинского сотрудника. Женщина была в возрасте, около шестидесяти, не меньше. С прокуренным голосом, но вполне милостивая.

– Простите?...

– Ты понимаешь, куда попала? Мля, ты хоть бы нормального мужика попробовала бы! А тут... Не, я хренею! Реально девочка... Тебе сколько годков?

– Двадцать.

– Твою же мать... Девочка, ну держись. Жалко мне тебя. По-бабьи.

Катя выпрямила спину и постаралась выдать искреннюю улыбку.

– Я верю, что всё будет хорошо.

– Верь, деточка... Верь. Потому что только чудо... – она замолчала. – Если узнают наши... Они же, черт, ставки будут делать, кто тебя... А не указать в доках я не могу.

Именно в тот момент Кате стало по-настоящему страшно. До тех слов она ещё до конца не осознавала, что ей грозит и что предстоит испытать.

* * *

Вопрос Потапова про медицинские анализы тоже был неспроста. Капитан всё знал. Катя была уверена на сто процентов.

И её вели к нему.

Зачем? Вот в чем соль вопроса.

Она дала показания и не раз. Рассказала всё подробно обо всем. Всё признала.

И снова её вызывали.

Катя говорила себе, что с ней ничего плохого не сделают. Не имеют права. Если только пальцем тронут, она на суде всё скажет. Расскажет подробности, а дальше...

Стоп, Катя. Она оборвала поток истеричных мыслей, приподнимаясь и направляясь к двери.

– Руки.

Конвоир был молодым. Кате отчего-то казалось, что с ней должны работать женщины. Не мужчины. Или это в колонии уже одни женщины? Да и то сомнительно.

Сглотнув застрявший в горле ком и шатаясь не то от усталости, не то от осознания полной незащитности, Катя встала спиной к конвоиру и сложила руки. С ней обращались, как с преступницей. Да, она, наверное, такой в их глазах и была... Но, черт возьми, она же не сознательно! Она...

– Пошли.

Её негрубо толкнули в плечо. Захотелось зашипеть от боли и обиды. Никакой человечности, нормального отношения.

В первые сутки Кате намекали, что, если у неё есть деньги или те родственники, которые готовы прийти и заплатить, будет всё иначе. Будет другой адвокат и опера более лояльные. У Кати никого не было. Все деньги, что копились несколько лет, она потратила на машину, которую и разбила.

На которой и сбила человека.

У неё ничего не осталось.

– Звонить кому-нибудь будете?

Качнула головой.

– Одна что ли?

– Одна.

– О, как даже интересно, – и Потапов пометил карандашом в папке.

Зачем?

Одни вопросы, на которые ей никто не собирается давать ответы.

Ей даже одежду сменную не дали. Да, наверное, и не положено. Она кое-как застирывала трусики, и надевала их прямо мокрыми. Хорошо, что на ней было платье, проветривалось, и они относительно быстро сохли. Но у Кати уже начало покалывать внизу живота. Скорее всего, придатки. Ей только воспаления не хватало. Но другого выхода оставаться хотя бы в интимной зоне относительно чистой не было.

Когда её вывели из камеры, она напряглась сильнее. На улице темно, маленькое окно, что находилось через три метра от её камеры, показало, что наступили сумерки. Разве допросы оперативники проводят на ночь глядя? Время нерабочее.

Ещё один нюанс, что пугал и навевал неприятные мысли. Настораживающие.

Катя шла, переставляя ноги. Ей нельзя размякать и показывать слабость. В полиции работают люди, которые с годами становятся чёрствыми к проблемам других. Иначе – никак. Сама система не подразумевает слабых. Тут рулит сила и безучастность. Нельзя каждую историю пропускать через себя, долго не выдержишь.

Но как же хотелось сочувствия! Маленькой толики понимания. Чтобы взбодриться, поверить в лучшее, не вгонять себя в пучину отчаяния.

– Руслан Анатольевич, сюда, пожалуйста...

Мужские голоса раздались из-за угла, и они показались Кате чем-то нереальным и очень далеким. Если разобраться, то она запоздало подметила, что в здании тишина. Наверное, не вечерело, а дело близилось к ночи. А этот Руслан Анатольевич важная шишка, раз его провожают и обращаются с такой учтивостью.

Проверка вышестоящих чинов? Опять же в такой час? И когда большинство, если не девяносто процентов работников, разошлись по домам? Странно.

Катя, услышав приближающиеся шаги, подняла голову.

Как раз чтобы увидеть, как по другому коридору идут трое мужчин. Два конвоира и... заключенный.

Хотя последнего заключенным назвать язык не поворачивался. Катя замерла. Невольно. Как впрочем и конвоир, что шёл не сзади, а сбоку от неё. Краем глаза она даже отметила, что он вытянулся. Казалось, ещё мгновение, и честь отдаст.

Такое возможно?

Потом Катя обратила внимание не на другого заключенного. А тоже на конвоиров. Они держались обособленно, словно подходить к нему не решались. На дистанции, не нарушающей личного пространства. Не менее четырех шагов. На их лицах не было озлобленности, скучающего выражения или наоборот циничного. Катя уже видела такое. Здесь же иное. Лица сдержаны, сосредоточены. Даже немного испуганны. Бред, конечно, и всё же...

Катя перевела взгляд на заключенного.

Лучше бы она этого не делала.

– Руслан Анатольевич, – к нему обратился её конвоир, тем самым привлекая внимания к ним и невольно заставляя его посмотреть в их сторону.

Первое, что бросилось в глаза Кате – рост и осанка мужчины. Военная выправка, широкие плечи, мощные. Идеально белая футболка обтягивала их, не скрывая, а напротив, подчеркивая силу и рельеф. Отчего-то мелькнула ещё одна мысль, что тут большая заслуга не спортзала. Что сила и

мощь мужчине дана от природы, а он умело пользовался материалом, развивал, усиленно работал над собой. Чтобы не быть слабым. Ни в коем случае.

Рост не менее метра восьмидесяти пяти. Такой же мощный торс, бедра, обтянутые льняными брюками. Упругие ягодицы, подтверждающие её предположения о любви мужчины к спорту. Длинные ноги.

На лицо Катя посмотрела в последнюю очередь. Видимо, инстинкт самосохранение, обострившийся в стрессовых экстремальных условиях, хотел её побережь. Тщетно.

Когда девушка слышит или читает фразу «высеченное из камня», то не придает смысла особого значения. Расплывчатое и больше непонятное, без определенности. Теперь Катя в реальности столкнулась с человеком, глядя на которого невозможно применить другое описание. Именно высеченное. Резкое, по-мужски суровое. И в то же время красивое. Высокие скулы, широкие брови, глубоко посаженные глаза. Нос с горбинкой, не то ли от рождения, не то ли от полученных ранее травм. Жесткая линия губ. Тяжелый подбородок, заросший небольшой аккуратной бородкой или запущенной щетиной. Но запущенность и этот мужчина никак не сочетались. Скорее, первое.

Кате надо было отвернуться. Это она потом поймет, намного позже. Не когда холодные, как сталь, глаза остановятся на ней.

Мазнут, вроде бы секунда-две. Даже не задержатся тол-

КОМ.

А Катя на всю жизнь запомнит эти сумасшедшие, совершенно не поддающиеся логике ощущения. Словно её просканировали всю, от головы до пят. Да что тело... Её душу. Взяли, бесцеремонно вынули и сжали в кулаке. Крепко. Катя моргнула и перевела взгляд за спину мужчины. На те самые руки. Тоже сильные, и, кстати, сжатые в кулаки. Широкие кожаные браслеты на обеих руках, поверху – наручники. Надеть на этого мужчину наручники – все равно что посадить тигра в клетку... и забыть закрыть дверь.

* * *

Он выйдет, найдет обидчика и не оставит после себя ничего. Ни единого следа.

Он производил ошеломляющее впечатление. Даже на Катю, для которой мужчины никогда не играли особо важной роли в жизни. Не то, чтобы они ей не интересовались или она ими... Некогда было.

Этот же оглушал. Да, именно так. От его мощной, впечатляющей фигуры исходила столь сильная аура подчинения, властности, что невольно пробирала дрожь. Кто он? И почему находится в полиции, в наручниках? Такие руководят и отдают приказы. И пусть побережется тот, кто решит не подчиниться.

Катя сглотнула и отвела взгляд в сторону. Хватит. Насмотр-

релась. У самой проблем столько, что не разгрести, а она неприлично пялится на другого человека, также попавшего в беду. Хотя опять и не скажешь, что он попал в беду. Скорее, остерегались те, кто его сопровождал.

– Руслан Анатольевич... там ждут, – Катя заставила себя не смотреть на чужих конвоиров, но не могла не отметить почтение и сдержанность говорившего.

Не прост новый осужденный.

А ещё в голове прозвучал тревожный звоночек. Назойливый. Странное ощущение дежавю подкралось к девушке. Откуда оно? С чем связано? С мужчиной – точно. И как? Такое чувство, что она где-то его видела, пусть и мельком, мазком. Катя мысленно одернула себя. Посидит ещё в камере с неделю, и не такой бред будет мерещится.

Мужчины больше не задерживались, последовали дальше по коридору.

– Что встала? Пошли, – очнулся от небольшого ступора и её конвоир.

Потапов был пьян.

Стоило Кате переступить порог его кабинета, как она поняла, что интуиция её не подвела.

– Катееериина, – нараспев приветствовал её товарищ капитан.

За Катей с тихим хлопком закрылась дверь, отрезая её от внешнего мира. Наручники с неё никто не снял, хотя раньше всегда расстегивали.

Егор Потапов в одной рубашке сидел за столом. Китель висел на спинке кресла. Руки, переплетенные пальцами в замок, лежали поверх стола на каких-то бумагах.

– Добрый вечер, Егор Васильевич, – негромко произнесла Катя, по-прежнему стоя около двери.

Пройти её не приглашали.

Потапов посмотрел на неё, усмехнулся и вальяжно откинулся на спинку кресла. Вроде бы и красивым мужиком был Потапов, но Катя не могла отделаться от ощущения какой-то подсознательной брезгливости. Прямоугольный подбородок с дневной синеватой щетиной, тонкие губы, по-мужски крупный нос, брови вразлет. Глаза темно-синие, обрамленные густыми ресницами. Широкий нос. Черные волосы, в которых нет-нет да проскальзывала начинающая седина. На вид Потапову можно дать лет сорок-сорок пять. Ещё молодой мужчина. А вот руки Кате не нравились даже больше его глаз. Не проходящие ссадины на сбитых до крови костяшках наводили на нехорошие мысли, пугающие. До дрожи, до скручивания в животе, да и воспаленный, усталый и измученный мозг подкидывал одну картинку «краше» второй.

Катя была выжата, как сухой лимон. Морально и физически. Она уже не понимала, чего от неё хотят, потерялась во времени. Где-то осталась зацепка, что с ней происходит что-то неправильное, да и её дело ведут как-то сумбурно. Она, конечно, ничего не понимала в оперативных делах, расследованиях, обвинениях, но эта мысль её не отпускала.

– Проходи, Катерина. Присаживайся на... диван, – сказал Потапов и недобро усмехнулся, складывая руки на груди.

Да, точно пьян. Глаза помутнели, волосы растрепаны, да и запах алкоголя в кабинете присутствовал. Катя не пила, поэтому остро реагировала на спиртные пары.

Ничего не говоря, стараясь не смотреть на капитана, прошла на небольшой кожаный диван. Села.

Сидеть с заведенными за спину руками было некомфортно. Но она тешила себя иллюзией, что раз ей не сняли наручники, значит, разговор будет коротким.

Наивная.

– Что скажешь, Катя?

От мужского сального взгляда бросало в холодный пот. Если ранее на допросах Потапов хоть и окидывал её заинтересованным, нет, даже похотливым, взглядом, но опять же, мельком, из-под опущенных ресниц, сегодня вечером все маски и ширмы были сброшены.

– Я уже всё вам сказала, Егор Васильевич, – спокойно, немного отстраненно ответила она.

– Даааа... Сказала. Ты вообще очень покладистая девочка.

А вот и переход на «ты».

То, что недопустимо.

Катя снова постаралась не реагировать на провокацию.

Сидеть и молчать, пока не спросят.

Кричать и звать на помощь смысла не было.

Её привели к Потапову, потому что вызвал.

Для чего?

На этот вопрос лучше не отвечать.

Как и не вспоминать слова врача, что осматривала её.

«Девочка, ну держись. Жалко мне тебя. По-бабьи... Если узнают наши... Они же, черт, ставки будут делать, кто тебя...»

Катя не считала себя глупой, но додумывать, почему врачу стало её жалко, не желала.

Изнасилование – меньшее из бед, что свалились на неё за последнюю неделю.

Про то, что будет на зоне, она даже думать не могла.

– Простите? – ей всё же пришлось посмотреть в его сторону.

Потапов усмехнулся.

– Ну-ка, задери подол, Катерина. И покажи мне свои трусики. Знаешь, ни разу не видел трусики на целке. Они уже высохли, Катерина? Или они у тебя ещё мокрые после стирки?

Глава 2

РУСЛАН

– Мля, как же задолбали эти телевизионщики. Когда они уgomонятся?

– Когда я сяду.

– Ну-ну, пусть мечтают.

Шарапов подошел к нему, достал из кармана незаметно переданные конвоиром ключи и открыл наручники. Руслан приглушенно выругался и потер запястья. Боли не было, неприятно.

– Ну, здравствуй, брат.

– Здравствуй.

Мужчины обнялись, похлопав друг друга по плечам.

– Рус, придется тебе здесь проторчать дня два. Извини, никак. Завтра снова, сука, нагрянут с проверкой. Нужен ты. Иматов не подойдет.

Руслан коротко кивнул, вернулся к креслу, сел и вытянул ноги.

Его выдернули два часа назад. Позвонил Шарап и сказал, что ребята уже выехали. Руслану и собираться не пришлось – он был наготове. Ему уже сообщили, что готовится новая

волна репортажей о коррупции в верхних слоях власти. Его сто процентов приплетут.

Руслан Коваль зло оскалился. Да, пожалуйста, мать вашу, приплетайте, сколько влезет. Трепите по «ящику», что толку-то? Опять засрут народу головы, перед выборами всем расскажут, какая власть хорошая, как она борется с казнокрадством и прочее бла-бла. Пройдут выборы, и снова всё встанет на круги своя.

– Иматова пока закрой. Денег его семье ребята завезут.

– Как скажешь. Выпить будешь?

– Давай.

– Сигару?

– На хрен. Бросил. И тебе советую.

Шарап невесело усмехнулся.

– Бросишь тут, с этой работой. На пенсию выходить надо.

– Пенсия? Ты смеешься? Где ты и где почтенные граждане на заслуженном отдыхе? Шарап, тебе ещё пахать и пахать.

Мужчины коротко засмеялись, хотя обоим было не до смеха.

Предстояло решить несколько серьезных рабочих процессов, да и кое-какие проблемы нарисовались. Требовалось вмешательство Ковалья.

Начальник полиции подошел к шкафу, открыл дверцу, достал коньяк и два бокала.

– Закуску сейчас организуют.

– Давай по одному, и я пойду в камеру. Лучше туда всё.

– С чего это ты?...

– Вопросы завтра порешаем.

– Не в духе?

– Слабо сказано.

– Значит, нужна девочка.

– Значит, нужна, – серые глаза Руслана опасно блеснули.

Чем хороши давние знакомства – тем, что знаешь друг друга, как облупленных. Предпочтения, настроения. Они с Шараповым были не просто хорошими знакомыми, почти братьями, не по крови, а по духу. Много прошли, много пережили. Работали не над одной операцией. Кому, как не Володе, знать, что когда он зол, когда на пределе, когда готов крушить мебель и выбивать из кого-то дух, ему нужна женщина. Покладистая и на всё готовая.

Об этой прихоти Генерала знал не только Шарапов. Многие. Особенно те, кто попадал с ним в горячие точки. Когда кипение возрастало до максимума, когда у многих срывало крышу, а кровь лилась, Генерал трахался. Всегда и везде. Кому наркота, кому алкоголь, ему женщины. Темные, светленькие, худышку, пышечки – всё одно. Была бы мягкая плоть, в которую можно врезаться до озверения, до полного обнуления, чтобы в голове звенело от пустоты. Чтобы ни одной мысли не осталось, чтобы пах ныл от дичайшего удовлетворения.

Первое время молодые скалились. Мол, а чего это дают бабы Генералу? Потом, познакомившись с ним поближе,

умолкали. Вообще ничего не говорили при его приближении, только коротко и по существу, если он спрашивал. За его спиной – тем более. Здоровье у всех одно, и зазря его растрачивать никому не хотелось. Генерал выпускал пар не только с девочками. Под его тяжелую руку попасться было чревато последствиями.

Руслан в большинстве случаев не помнил ни лиц, ни тел тех, кого брал. Он был всеяден. До определенного времени. Одна, вторая, третья... На войне все хороши. Единственным табу долгие годы было лишь одно – в эту определенную ночь секс только с ним. А так... Да какая разница?

Это сейчас он уже выбирал. Когда шутливое прозвище Генерала перешло в звание. Правда, скорее всего, его лишат... Но опять же, не в этом дело.

Дело в сегодняшней ночи. И в праве выбора.

В злости, агрессии, что искала выхода, била по мозгам. Душила изнутри.

Он снова будет вынужден провести время в камере. Пусть и в той, куда простым смертным вход заказан. Где есть относительно удобная постель, плазма, душевая. Собственная мини-кухня. И куда привезут еду из лучших ресторанов столицы по его выбору.

Но этого мало. Мать твою, ничтожно мало.

Его взяли, как сопливого юнца. Кто-то слил информацию. Кто – уже выяснили.

Осталось только его найти.

Найдут.

Ещё до суда...

А пока Ковалю приходится вести замкнутый образ жизни, надо себя развлекать.

Чем – вопрос отпадал. Вернее, кем.

Подруга, что была при нем, и которую он содержал полностью, не подходила. Клубная девочка, тусовщица. За что он её держал при себе последние полгода, за то, что умудрялась выдерживать его темп, могла с ним трахаться несколько часов подряд. И так изо дня в день. Он мог заявиться к ней в любое время суток, и она всегда была готова. Услужит, уболажит. Единственный и самый её большой недостаток – глупа. В прямом смысле. Шмотки, ночная жизнь, спа-салоны. Всё. Больше ничего её не интересовало. Ну да, конечно, и секс.

Коваль её сразу вычеркнул. Вика в прошлом. Нужны девочки-однодневки.

Прежде чем сделать Вику постоянной любовницей, он её проверил. До него три партнера. Как она умудрялась не отсасывать в клубе – ещё одна загадка. Хотя тут и гадать нечего. Матушка её, тоже из бывших содержанок, натаскивала единственное чадо, что мужчин стоит выбирать аккуратно. Вот Вика и выбирала.

С недавних пор для Руслана в приоритете стали чистые девочки. Не шалавы. Если уж на крайний случай, когда совсем прижмет.

Как сегодня.

Но Шарап знал, что он будет ночевать на его территории. Подготовился. Сто процентов.

Хотя у самого Руслана уже имелись предпочтения.

Он знал, кого будет иметь через час. Максимум два.

Ту, что повстречал в коридоре. С заведенными за спину руками. С грудью, что обтягивало выдавшие лучшие времена платье.

* * *

Солдаты не знают слов любви. Чувства не для них. Только страсть. Хотя нет, лучше сказать, животная похоть. Страсть это тоже что-то из личного. Из запретного. Что не позволено им. Слишком большая роскошь. Именно то, что невозможно купить за всё то бабло, что они зарабатывают. Кровью и потом. Многочасовыми тренировками и переговорами. Отсылая своих парней на войну.

Похоть – другое дело. Вставил, наклонил, развел.

Забыл.

Всё.

Ничего лишнего. Ничего ненужного.

И дальше – работать. Вкалывать, как проклятый, просчитывая комбинации. Свои, чужие. Двадцать пять часов в сутки.

Постоянное напряжение. Особенно, когда достигает определенных высот.

В случае с Русланом – не просто определенных. Заоблачных. Для многих – недостижимых.

В тридцать восемь лет просто так генералами не становятся. Это понятно каждому, кто имеет мало-мальски отношение к их структуре. Тем более, в специальных войсках.

Он – стал. Как? Другой вопрос. Отвечать на который он никому не намерен.

Его распирало от злости. От негодования. Хотелось бить, крушить. Убивать.

Последнее тоже. Если бы сейчас ему отдали суку, что слила инфу, он бы его резал. Всю ночь.

Парни, что вели его, знали – лучше не трогать. Слова лишнего не говорить. Сорвется.

Проходили...

Тогда сам Шарап оттаскивал его от зарвавшегося юнца. Бывает, что тут скажешь.

– Будет. Нешалава.

– Да всё ты знаешь, Владимир Николаевич, ко всему готов, – усмехнулся Руслан, принимая стакан из рук друга.

– Тут ко всему будешь готов. Видел девочку?

Руслан напрягся.

– Какую?

– Рус...

– Видел.

– Девственница.

– Да ну на х...

– Да.

Руслан подался вперед, молча опрокинул в себя янтарную жидкость, даже не поморщившись.

– Спецам показал?

– А вдруг...

Шарап повторил его движения, выпил.

– И где она сейчас?

– У Потапа в кабинет.

Коваль откинулся на спинку кресла.

– Значит, у Потапа.

Он терпеть не мог эту сволочь. Но сволочь нужную, исполнительную. За последние качества Шарапов и держал его в своем отделе. Такие, как Потапов, пригодятся везде. Кто-то должен делать грязную работу. Капитан был исполнительным сотрудником, порой чересчур.

Как только Руслан увидел девочку, он сразу понял, что для него. Этакая демонстрация товара. В прошлый раз, после драки с бойцом, он покрушил немного камеру. Ему прислали девочку, а на той пробы некуда ставить. Думал, прибьет всех. Володю выдернул из койки.

– Дай мне нормальную.

– Да твою же мать, Генерал. Раньше тебе по херу было, кого трахать.

– Сбавь тон, Володь. И дай мне относительно нормальную.

– Девственницу что ли? Так они с девятого класса сейчас!

– Можно и девственницу, – тогда он пошутил.

Неужели Шарапов воспринял его слова всерьез? Или совпадение?

Девочка была хороша. Маленькая, ладная, платье приличное, когда-то было. Любил Руслан девочек в платьишках, а ещё длинноволосых. Чтобы волосы можно было собрать в кулак, намотать их, взять дополнительный контроль над девочкой.

Его.

Что не понравилось – взгляд и само выражение на лице. Обреченность с усталостью. Смотрела, словно сквозь него.

Он слишком хорошо знал этот взгляд. Слишком.

Он выжег в его душе шрам. Незаживающий, всегда кро-
воточащий.

Генерал ненавидел подобный взгляд.

Никто, черт побери, на него не должен так смотреть! Тем более красивая девочка!

Которая должна течь под ним, умолять. Стонать.

Но не смотреть на него ТАК.

Девственница, значит...

Как интересно.

Он сотрет это выражение с её глаз. Уберет.

Своим присутствием в её жизни. Грубыми ласками. Приказами.

Никто больше не будет на него ТАК смотреть...

– Давай её. Вытаскивай от Потапа, пока он мне её окончательно ни зашугал. И, вообще, Шарап, ты какого ему девок

доверяешь?

– Остальные опера заняты или в командировках. Он да Деца остались. Поэтому...

Мужчины переглянулись. Лишних слов не потребовалось.

* * *

У Кати что-то оборвалось внутри. Резко. Словно кто-то невидимый взял гигантские ножницы и обрезал то, что принято называть надеждой. Жестоко и уверенно, натруженными руками палача.

– Вы следите за мной, – она не спрашивала.

– И что? – капитан оскалился. – И что? А? Есть какие-то претензии? Предъявы? Да, слежу. Почему бы и нет? Знаешь, сколько целок я тут повидал у себя? Не поверишь, ни одной! Малолетки и те с порванными дырками.

– Как вы со мной разговариваете, – Катя старалась не дергаться, не делать лишних движений. Нельзя будить зверя в этом недочеловеке. – Вы не смеете. Я требую, чтобы...

– Рот закрыла, сука, и ноги развела.

Она всё-таки его разозлила. Потапов подался вперед, потом ударил раскрытыми ладонями по поверхности стола и поднялся. С запозданием Катя поймет, что дело не в ней. Она, как способ спустить ярость на кого-то. Но почему она? Что она сделала плохого Егору Васильевичу? Ответ был на ладони – ничего.

Просто они оказались по разные стороны. Она обвиняемая, почти осужденная, а он в этих серых мрачных стенах царь и повелитель. Тот, кто возомнил себя вершителем судеб. Мелкий человечиска, которому дали право унижать и давить. Ломать.

Понравилась она мужику. Своими огромными глазами, волосами цвета зрелой пшеницы, что манили, и хотелось дотронуться до них пальцами. А нельзя. До такой красоты. И Потапов чувствовал себя грязным! Он вот этими руками, сука, столько раз бил по мордам разным преступникам, гнидам, что портили жизнь окружающим. Они запачканы кровью. Он запачкан кровью. И тут девочка с золотыми волосами.

Он хорошо помнил, как её к нему доставили. Зашла, всю трясет. В огромных глазищах застыли озера слез. Потапов не был романтиком даже в юношеские годы, а тут его прибило, приложило к земле так, что не разогнуться. Он даже не понял, что с ним. Адреналин резко скакнул в крови, да сердцебиение участилось. Казалось, с её приходом в душном кабинете повеяло свежестью.

Катерина Тарасова плакала, рассказывала, как сбила человека, и совершенно на него не смотрела.

Нет, она, дрянь маленькая, смотрела, но, как на опера. Как на мебель. Как на нечто отстраненное. А Егору Потапову хотелось, чтобы она видела в нем мужика. Мужчину, что способен защитить её, уберечь.

Мать вашу, он тот, кто способен превратить её жизнь в ад ещё до суда! Или, наоборот...

Потапов сходил с ума. Уже неделю. Коршуном сидел над её делом, перечитывая раз за разом показания её и ДПС-ников, что прибыли на место аварии. Он уже продумывал ходы, как ей помочь. Он может...

Катя же начала дурить. По-черному. Шарахалась от него, как дура. Стоило ему только подойти к нему, напрягалась, вытягивалась, как струна. Нет, чтобы ласково улыбнуться. Да он за её улыбку порвет кого угодно.

А она, дрянь мелкая... целкой оказалась.

У него глаза на лоб полезли, когда прочел заключение врача. На хер, быть такого не может! Сколько ей лет? Двадцать! И целочка?

В душе капитана Потапова что-то перевернулось. Пришёл домой, накричал на жену, помылся, лег спать, а сна нет. Перед глазами Катя в белом кружевном белье на черном шелковом покрывале. Лежит, маленькая, его ждет. Ножки чуть раскинуты в стороны, белое кружево ничего и не скрывает. Расщелина сладкая, к которой ни один мужик не прикасался, поросль таких же золотистых волос, по-любому мягких на ощупь. Егор ни одной бабе не делал куни, никогда не целовал там даже жену, к которой, как он считал, относился хорошо и по-своему любил. А Катю вылизал бы. Как зверь. Лизал бы долго, остервенело, а она бы кончала ему в губы раз за разом.

И лишь потом бы он её взял.

А потом снова лизал бы...

Потапова трясло от вожделения, от страсти. Набросился на жену, повернул её к себе спиной, чтобы лица не видеть, вжал голову в подушку и вошел в неподготовленную. Утром она пыталась возмутиться, он рывкнул на неё. Разревелась, ушла с кухни. Он, психанув, даже не стал завтракать. Ушёл из дома, громко хлопнув дверью.

К ней... Скорее...

Правда, через пару часов остыл, перевел жене на карту деньги. Пусть побалуует себя.

Он поставил наблюдение в камере Кати. Сначала смотрел, как она плачет, обхватывает себя руками и раскачивается из стороны в сторону. Маленькая... какая же она маленькая... Так и хотелось сжать её в объятиях до хруста костей. Это его заслуга, что к ней никого не подсеяли.

Когда же впервые увидел, как она снимает трусики, озверел. Перестал дышать. Не помнил даже, как встал, закрыл кабинет и снова к монитору. Перемотал, благо на записи стояло, ремень на брюках расстегнул, член, налитый кровью, вынул. Егор думал, сейчас яйца лопнут. Дрочил, как последний придурок, пока не кончил себе на руку и на пол. Потом долго матерился. У него такого стояка и оргазма не было черте знает сколько времени. А от чего? Только увидел, как Катерина снимает трусики. Млять, да там даже ни куньку, ни задницу видно не было. Стирает она их, млять!

У капитана Егора Потапова рвало крышу.

И тут, как гром среди ясного неба – доставят Генерала. На хера, спрашивается? Потапов от ярости едва стену в туалете не разбил. Сидит же вместо него двойник, чего ещё надо?!

Хуже было только то, что Егор знал Ковалю не первый год. Тот захаживал к ним в отделение иногда, у него дела с Шарповым были. Какие – история умалчивает, да и в случае этих двоих как нельзя лучше подходит присказка «меньше знаешь – крепче спишь».

О привычке Ковалю трахаться, когда тому хреново, не знал только ленивый. В прошлый раз лучших шалав столицы привозили. Сегодня – тишина. Холодный пот подобрался к капитану незаметно. Значит, для него другую припасли.

Кого – не сложно догадаться.

Его Катю!

Его!

Потапа бы не колотило так, если бы Катя не была девочкой. Ну, были у неё мужики, у кого их сейчас к двадцати годам нет? Но когда девочка достается ему чистенькой, свеженькой и уплывает к захапущие руки Ковалю – тут другое. Генерал же от неё ничего не оставит! Во все дырки поимеет! Он же будет её трахать несколько часов подряд! Всю раздолбит. Опытные шлюхи и те от него выходили помятыми, потрепанными и едва держались на ногах.

А Катя?...

Поэтому Потапов пил. Не мог не пить.

И от Генерала её он тоже уберечь не мог.

От кого угодно укрыл бы, морду лично набил, пистолет ко лбу приставил.

Только не от Руслана Коваля.

Что он не сдох в Саравии? И в плену был, и в передрагах, под обстрелами. Нет, сука, вернулся живехонький, целехонький, да ещё звания поперли одно за другим.

Поговаривали: зверьем стал похлеще любого.

Плевать.

На всё плевать...

Он, капитан Потапов, не из брезгливых. Он Катерину и после Генерала подберет.

Придется. Перебесится немного и успокоится. А пока...

– Нет.

Катя собиралась драться. Она не знала как, но собиралась. С заведенными за спину руками сложно. Но у неё оставались зубы и ноги. Она не подпустит к себе Потапова. Потребуется завтра, чтобы провели медицинскую экспертизу, сняли побои. А если он её изнасилует, и это зафиксировать. Врач указала, что она девственница, и никто её не смел тут пальцем трогать. Никто!

Легко подумать, легко решить и невозможно воплотить в жизнь, когда мужчина по одному только определению сильнее, надвигается в твою сторону, и у тебя желудок сводит от страха, мерзости и отвращения.

Инстинктивно Катя ноги свела сильнее. Не дастся...

– Катя-Катя-Катерина, что же ты глупишь-то? А? Давай по-хорошему, и я буду добр. Помогу. Потом.

Его «потом» она даже не заметила. Зря.

– Не подходите.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет. Просто не подходите. И верните меня в камеру, – она смотрела на приближающего мужчину, не моргая. – Вы меня не для допроса вызвали. Вы...

– Рот закрыла.

От наглости, от грубости Катя на мгновение опешила. Пусть она и не росла вне цивилизации, не была наивна, как могло показаться окружающим. Судьба уберегала её от злых и нехороших людей. Но никто никогда с ней не разговаривал в таком тоне, словно она на самом деле последняя шлюха, продающая тело на трассе.

Катю учили, что нельзя грубить людям, что необходимо держать дистанции, уважать собеседника. Тогда и к тебе так будут относиться. В школе её даже дразнили – Екатерина Великая. Она лишь улыбалась в ответ. Те, кто дразнил, в конечном итоге становились её хорошими друзьями.

В том городке с населением в двадцать тысяч она была вполне счастлива. Зачем, спрашивается, уехала?

Потапов надвигался на неё.

С запозданием Катя попыталась встать. Надо было раньше. Потому что как только она сделала попытку, тяжелая мужская рука толкнула её назад, и только чудом Катя не за-

валилась на бок. Зато отклонилась назад. Руки в наручниках сильно сковывали маневры, от неудачного и жестокого толчка, болью прострельнуло в правом предплечье.

– Сидеет, – гортанно зарычал мужчина, окончательно теряя человеческий облик. Помутневшие от алкоголя глаза опасно блестели.

Не успела Катя отреагировать, как он навис над ней. Его широкая ладонь надавила на плечо, не давая ей возможности выпрямиться, причиняя ещё большую боль.

– Только рот открой, – угрозы сыпались одна за другой. – Тебе тут никто не поможет, поняла? А я тебе гарантирую: в камеру посажу таких товарок, что мои прикосновения тебе ласками трепетными будут казаться! Поняла, спрашиваю? Поняла, ты меня?

Второй рукой он сжал её подбородок. Ногами же грубо растолкал её колени в сторону, вклинился между ними.

На Катю накатила волна тошноты. От алкогольных паров, смешанных с мужским потом, от самого Потапова, что навис над ней, от осознания чудовищности происходящего.

Она может закричать. И что дальше?... Вот что? Придут его сослуживцы. Посмотрят и закроют дверь. Даже если помешают насилию, что будет завтра? Потапова не уволят, его даже на ковер к начальству не вызовут.

Ворон ворону глаз не выколет.

– По... поняла.

Ничего она не поняла. И не хотела.

Она должна выбраться отсюда... Из его кабинета.

Её мозг отключился. Как и семь дней назад, на трассе. Она словно видела себя со стороны. Испуганная до чертиков и не знающая, что предпринять.

Между тем мужская ладонь опустилась на голое колено.

Мерзко...

Господи, как же мерзко!

Словно мерзкое насекомое присосалось, а скинуть не представляется возможным.

Потапов задышал чаще, на лбу выступила крупная испарина, глаза лихорадочно заблестели.

– Каааатттаяя...

Катю душила истерика. Глухая, застрывшая комом в груди. Ещё немного, и девушка задохнется.

Да, пусть она упадет в обморок... пожалуйста... лишь бы не видеть мерзкой рожи Потапова.

Катя даже не сразу поняла, что они больше не одни. Не услышала, как отворилась дверь, отреагировала, лишь когда услышала гневное:

– Потап, ты совсем охренел? У тебя тут чё происходит?

Страх совсем потерял?

Пришли.

Кто-то пришёл и поможет ей. Предотвратит насилие.

Странно, но у Кати не возникло чувства облегчения.

Некий ступор.

Она медленно повернула голову в сторону двери и увиде-

ла ещё одного мужчину в полицейской форме. Тоже вроде бы капитан.

– Деза, ты не вовремя.

– Конечно, мать твою. Шарапов бы тебе башку оторвал, тогда бы я был не вовремя. Ты чё творишь, придурок?

– Заткнись.

Можно было ожидать, что капитан поднимется с корточек, оставит её в покое. Но нет – сильнее сжал колено, приглушенно зарычал. Как зверь.

– Чё заткнуться-то? Коваль уже в камере своей, давай...
Её ждёт.

Коваль?

По спине Кате точно разрядом тока прошлись.

Она вспомнила!

Вспомнила...

Глава 3

И снова коридор.

Серый, безликий.

На этот раз им не попался никто, ни единая душа. Ещё Катя обратила внимание, что её вели в крыло, где она не была. С другой стороны, она что, знала всё расположение полиции? Да и какая разница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.